

— Наследный принц выпил поданный Храмом Цыэнь кислый фруктовый суп и отравился, этот монах — тот, кто подал суп, — холодно произнёс Се Юнь. — Ма Синь, нам здесь больше нечего делать. Немедленно прикажи людям блокировать Храм Цыэнь, я собираюсь взять Синь Чао и других монахов во дворец для доклада императрице, пошли.

Юйвэнь Ху резко обернулся:

— Командир Се, у меня есть устный указ императора о принятии управления здесь, вы...

— У меня есть императорский жетон дворцовой стражи, позволяющий в любое время являться к императору во дворец и действовать по своему усмотрению в столице.

Се Юнь, должно быть, давно использовал этот императорский щит для самоуправства, Юйвэнь Ху сразу же наткнулся на стену.

— Пошли, монах Синь Чао, — Се Юнь больше не обращал внимания на Юйвэнь Ху, его ледяной взгляд обратился к Дань Чао, от той изящной, очаровательной, пленяющей сердце улыбки не осталось и следа. — Что, ждёшь, пока я лично приглашу тебя?

Через время, необходимое для чашки чая, Се Юнь большими шагами вышел из окружённого плотными рядами солдат Храма Цыэнь в окружении подчинённых, у входа на широкой улице Чжунчжэн уже ждала ярко-красная украшенная богатой резьбой карета.

Дань Чао, которого держали два стража, с каменным лицом шёл за ним. Если присмотреться, можно было заметить, что лицо этого красивого монаха было холодным и напряжённым, челюсти сжаты так сильно, что даже контуры лица выдавали крайне жёсткие линии.

Се Юнь, казалось, куда-то очень спешил, не обращал внимания на приветствия всех солдат и офицеров по пути, прямо и торопливо подошёл к карете.

— Командир, что делать с этим монахом? — Ма Синь быстрыми шагами подошёл вперёд и тихо спросил. — Отвести во внутренний дворец в тайную тюрьму для допроса, или доставить в усадьбу для содержания под стражей, или мы просто...

Се Юнь остановился.

Его суровое лицо, казалось, не изменилось, словно он о чём-то размышлял, или же его ум был пуст, и он ни о чём не думал.

Почему-то эта сцена заставила Ма Синю слегка испугаться, даже Дань Чао бросил взгляд. В его взгляде грудь Се Юня слегка вздымалась, затем он резко поднял руку...

С этого угла он был обращён прямо к Дань Чао, в спешке Дань Чао не уклонился, инстинктивно поддержал его холодное тонкое запястье.

Затем Се Юнь с болью попытался сдержаться, но не смог, и наконец внезапно откашлял ядовитую кровь цвета киновари с чёрными прожилками!

Дань Чао ошеломлённо замер, Ма Синь вскрикнул:

— Командир!

Все тело Се Юня беззвучно обмякло, Дань Чао подхватил его и почувствовал, что руки стали мокрыми и холодными, только тогда осознав, что вся спина Се Юня полностью промокла от

холодного пота!

* * *

Три дня спустя, дом Се.

Дань Чао открыл глаза из медитации и посмотрел на белые стены тюремной камеры.

С тех пор как три дня назад Се Юнь потерял сознание у входа в Храм Цыэнь, его схватила дворцовая стража, зажали восемь важных акупунктурных точек по всему телу, насильно «пригласили» в дом Се и содержали под стражей до сих пор, полностью изолировав от внешнего мира, единственным, кого он видел каждый день, была маленькая служанка, приносящая еду.

Кроме этого, никто не навещал его, никто не допрашивал, казалось, все вдруг забыли о нём, а Се Юнь даже не показывался.

Дань Чао предположил, что после отравления Се Юнь находится при смерти, поэтому сейчас и наступило это краткое затишье перед бурей, но когда он пытался выспросить у служанки, приносящей еду, то обнаружил, что та ничего не знает, оказалась немой.

Единственное, что можно было наблюдать, — дом Се действительно необычайно роскошен.

Не говоря уже о виденных по пути, когда его полу-под-конвоем, полу-«приглашали» в усадьбу, арках с резными украшениями, галереях и переходах, даже эта подземная потайная комната, где его содержали, была просторной, чистой, постельное бельё опрятным, даже на каменном полу лежал толстый красный ковёр. Кроме того, что на месте, где должна была быть дверь, прочно висел деревянный засов, эта тюремная камера была даже лучше монашеской кельи, в которой он жил в Храме Цыэнь.

Что касается еды, его тоже специально не мучили, каждый раз было три блюда и суп, просто не избегали скромной пищи. Хотя Дань Чао сейчас был монахом, инстинктивно он не противился мясу, и чтобы накопить силы для освобождения от зажатых точек, эти три дня он молчал и ел всё, что давали.

В первый день заточения за ним ещё иногда наблюдали у двери, но Дань Чао, казалось, оставался спокойным в любой обстановке. Этот монах в чёрном каждый день кроме еды, сна и медитации, со стороны выглядел как молчаливая каменная статуя, даже по несколько часов не двигался ни на йоту.

Надзиратели тоже знали, что восемь важных акупунктурных точек на его теле зажаты, и он совершенно не может использовать ци для боевых искусств, поэтому расслабились.

На второй и третий день за пределами камеры никто не патрулировал, кроме служанки, вовремя приносящей еду, вокруг подвала стояла тишина, не было слышно ни звука.

Вечером третьего дня у входа послышался звук ключа, открывающего железный засов, Дань Чао открыл глаза.

Маленькая служанка вошла с коробкой для еды, настороженно посмотрела на него, увидев, что молодой энергичный монах, как обычно, молча медитирует, тихо подошла к столику и, повернувшись спиной к Дань Чао, поставила коробку для еды.

В этот момент Дань Чао внезапно встал — никто не ожидал, что он уже большую часть освободился от зажатых точек, лишь увидели, как он бесшумно, словно молния, сделал первый шаг с лежанки, второй шаг на пол, как призрак оказался за спиной служанки и ударил ребром ладони по её задней части шеи!

Глаза служанки широко раскрылись, она даже не издала звука и мягко потеряла сознание на полу.

Дань Чао быстро проверил, убедился, что она лишь в обмороке, затем успокоился, отнёс её на кровать, накрыл одеялом, изобразив, будто он сам спит.

Железный замок на деревянном засове уже был открыт, Дань Чао вышел из камеры и увидел, что длинный, в несколько чжанов, коридор пуст, в конце деревянная лестница вела наверх, видимо, охранники и служанка с едой обычно входили и выходили отсюда. Дань Чао поднялся на вершину лестницы, над головой была потайная дверь, только что приоткрыл щель, как просочилась полоска света свечи.

Выбрался?

И это так просто?

Дань Чао замер на деревянной лестнице, на мгновение почти оказался в затруднительном положении, как раз сомневался, стоит ли выходить, внезапно услышал снаружи низкий мужской голос:

— Командир Се, не даром выходец из смертников скрытых врат, обычные яды на вас не действуют. Наследный принц до сих пор в Восточном дворце между жизнью и смертью, а вы уже почти восстановились.

— Юйвэнь Ху!

За короткое мгновение в сердце Дань Чао промелькнули мысли: почему снаружи оказались Се Юнь и Юйвэнь Ху, встречающиеся, неужели подвал ведёт прямо в кабинет дома Се?

Кроме того, что такое смертник скрытых врат, зачем Юйвэнь Ху нанёс визит в дом Се, что он хотел сказать?

Дань Чао мягко прикрыл потайную дверь, оставив щель, чтобы её нелегко было заметить, но обеспечив, чтобы звуки снаружи проникали в тоннель. Действительно, через мгновение он услышал, как заговорил Се Юнь, почему-то его голос был немного хриплым:

— Я, Се, просто простудился, генерал Юйвэнь, говорите прямо, не тратьте время... Если пришли навестить больного, у вас со мной нет такой близости, можете сейчас же уходить.

Это отношение отказа можно было назвать ледяным.

Но, к удивлению, Юйвэнь Ху не разозлился, даже не выразил ни капли недовольства:

— Командир Се, не поймите меня неправильно, если бы я пришёл только навестить больного, то, действительно, взглянул бы и ушёл, не стал бы назойливо здесь задерживаться.

Он сделал паузу, затем продолжил:

— Сегодня я пришёл с визитом, потому что сильный яд, который императрица приказала вам,

командир Се, подлить в кислый фруктовый суп в Храме Цыэнь, был обнаружен.

В тоннеле рука Дань Чао, держащая потайную дверь, сжалась, на тыльной стороне ладони мгновенно выступили вены!

Снаружи колыхался свет свечей, наступила тишина, затем Се Юнь лениво сказал:

— Этого я ещё меньше понимаю. Отравление наследного принца произошло из-за того, что Лю Сюйцзе накормил его красной макушкой журавля, на это есть и свидетели, и вещественные доказательства, какое отношение это имеет к кислому фруктовому супу?

В роскошном кабинете дома Се Юйвэнь Ху стоял посреди зала, сложив руки за спиной, его пронзительный взгляд был устремлён на Се Юня — тот сидел боком за великолепным письменным столом из золотистого наньму, в серебряной маске, широких рукавах, неподвязанные волосы спадали с шеи на грудь.

С точки зрения Юйвэнь Ху, он мог видеть лишь скрытую большей частью волос мягкую линию подбородка.

— Кислый фруктовый суп изначально действительно должен был быть безвреден, Лю Сюйцзе и другие сторонники Восточного дворца использовали свойства киви для планирования дела об отравлении, изначальной целью была подстава императрицы У, а в первоначальном плане отравление наследного принца должно было произойти сильно разбавленной водой красной макушкой журавля, которую он принял ещё до прибытия в Храм Цыэнь.

<http://bllate.org/book/15578/1387049>